

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Die grossen Kappadocier—Basilus, Gregor von Nazianz und Gregor von Nyssa als Exegeten. Ein Beitrag zur Geschichte der Exegese, v. Lic. H. Weiss. Brauensberg 1872.

Сочиненіе это, посвященное разсмотрѣнію экзегетическихъ приѣмовъ и трудовъ трехъ Каппадокійскихъ учителей Василия Великаго, Григорія Назіанзена и Григорія Нисскаго, представляетъ собою небольшой, но очень цѣнный вкладъ въ литературу исторіи свято-отеческихъ толкованій. Всѣ свѣдѣнія объ этихъ трехъ толковникахъ распределены авторомъ въ слѣдующихъ рубрикахъ: 1) взглядъ на достоинство св. Писанія и пользованіе имъ вообще, 2) вдохновеніе, 3) писаніе и преданіе, 4) реальныя и филологическія знанія, 5) библейскій текстъ: переводъ LXX и другіе, 6) канонъ книгъ св. Писанія, 7) отношеніе къ св. тексту съ лексической, грамматической, логической и риторической стороны, 8) смыслъ священнаго Писанія, 9) мессіанскія пророчества, — тицы, — отношеніе ветхаго завіта къ новому, 10) важнѣйшіе экзегетическіе труды, — отдѣльныя изъясненія. — Изъ многихъ выраженій, свидѣтельствующихъ о томъ, какою высокою и неограничною обязанностію считали св. отцы изученіе св. Писанія, особенно заслуживаютъ вниманія рѣшительные совѣты св. Василия Великаго, чтобы всѣ монашескую гвердо знали по крайней мѣрѣ самыя употребительныя чтенія и мѣста изъ св. Писанія,

предстоятели же общества пустынниковъ понтскихъ обладали бы точнымъ и полнымъ знаніемъ всего Писанія.—Что касается ветхозавѣтнаго канона, то Григорій Назіанзенъ въ теоріи различалъ девтероканоническія книги отъ протоканоническихъ (такъ думаетъ авторъ на основаніи приписываемаго св. Григорію стихотворенія ad Seleucum, которое, кажется, справедливѣе можетъ быть приписано современнику его Амфилохію иконійскому), но въ праксиѣ и онъ, какъ оба его соотечественника, пользовался тѣми и другими книгами безразлично. Что же касается новозавѣтнаго канона, то посланіе къ евреямъ всѣ три отца причисляли къ канону, апокалипсисъ же исключали изъ канона одинъ Назіанзенъ; изъ соборныхъ посланій такъ называемыя спорныя не цитуются у всѣхъ трехъ, въ стихотвореніи о св. канонѣ, несомнѣнно принадлежащемъ Назіанзену, всѣ 7 посланій относятся къ числу каноническихъ, въ стихотвореніи же ad Seleucum говорится, что нѣкоторые четыре изъ этихъ посланій исключаютъ изъ канона.—Изъ трехъ каппадокійцевъ Назіанзенъ болѣе всѣхъ и самъ стоитъ на точкѣ преданія и другимъ внушаетъ уваженіе къ нему.—Еврейскій языкъ всѣ три толковника едва ли знали; иногда впрочемъ они любили этимологизировать разныя еврейскія имена, напримѣръ имя Амоса пророка въ отгичіе отъ имени Амоса отца Исаи и г. под., но дѣлали это, вѣроятно, на основаніи готовыхъ толкованій писателей, дѣйствительно знавшихъ еврейскій языкъ. Что же касается знаній естественныхъ, то напр. о нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ и комбинаціяхъ св. Василія въ его гомиліяхъ на шестодневъ даже Гумбольтъ вспомнилъ съ уваженіемъ въ своемъ космосѣ (II. 29).—Что касается св. текста, то, конечно, вѣрно, что всѣ три толковника пользовались преимущественно текстомъ LXX; однако у нихъ нельзя найти никакихъ слѣдовъ вѣры въ его богодухновенность. вѣры, которую питали многіе изъ антиохійцевъ, отъ которой не свободенъ былъ даже бл. Іеронимъ. Св. Василій часто справляется съ переводомъ Аккы. Сим-

маха и Θεοδοτία и цитуетъ текстъ LXX очень свободно; точно также и Нисскій; только Назіанзенъ не отступаетъ отъ буквы LXX и, повидимому, никакого другаго текста болѣе не знаетъ.—Что касается самаго толкованія, то въ лексическомъ отношеніи Григорій Нисскій болѣе приближается къ александрійской, св. Василиій, напротивъ, болѣе къ антиохійской школѣ, Назіанзенъ же идетъ среднимъ между ними путемъ; точно также, и относительно самаго смысла писанія св. Василиій изъ всѣхъ восточныхъ отцевъ III-го и IV вѣка наиболѣе приближается къ антиохійской школѣ.—Что касается самихъ толковательныхъ трудовъ, то особенное вниманіе удѣляется авторомъ прежде всего толковательному сборнику, извѣстному подъ именемъ *Philocalia*, представляющему не что иное какъ сборникъ извлеченій изъ толковательныхъ трудовъ Оригена, сдѣланный св. Василиемъ обще съ другомъ своимъ Назіанzenомъ; потомъ, изъ толкованій Василия разсматриваются его 9-ть бесѣдъ на шестодневъ, изъясненія многихъ псалмовъ и комментаріи на гл. 1—16 пр. Исаи; изъ сочиненій Назіанзена особенное вниманіе удѣляется его четвертому катихизическому слову; наконецъ, изъ сочиненій св. Григорія Нисскаго разсматриваются его трактаты на шестодневъ, о сотвореніи человека, о жизни Моисея, о псалмахъ, 8 бесѣдъ на Екклесіастъ и 15 на Пѣснь Пѣсней.

Histoire de Saint Ambroise, par M. l'abbé Bannard. 4 vol. Paris 1874.

Аббатъ Бонаръ извѣстенъ уже своею недавною исторіею евангелиста Іоанна. Какъ тамъ, впрочемъ, такъ и здѣсь авторъ является не столько строгимъ историкомъ, сколько увлекательнымъ разсказчикомъ: какъ тамъ, такъ и здѣсь мѣсто строгаго историческаго анализа заступаетъ художественное изображеніе, и тамъ и здѣсь таже умилительная чувствительность, таже поэтико-религіозная восторженность, таже высокопорная, многословная,

*

панегирическая рѣчь.—Свѣденія о дѣтствѣ и воспитаніи св. Амвросія не очень богаты, и вотъ почему авторъ въ первой главѣ своей біографіи сравнительно сухъ и не развязенъ. «Впрочемъ, говоритъ авторъ, мы уже и здѣсь видимъ, какъ геній заставлялъ окружающихъ предвидѣть то, чѣмъ онъ нѣкогда станетъ; Павлинъ—секретарь и біографъ Амвросія болѣе другихъ наблюдалъ за движеніемъ этого генія и въ объясненіе его онъ обновилъ старую, но прекрасную аллегорію о пчелахъ, которыя постоянно прилетали и клали медъ свой на устахъ Платона». Но съ того момента, какъ Амвросій—значительный чиновникъ въ верхней Италіи призывается въ епископы Милана, источники становятся все полнѣе и подробнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ авторъ все болѣе и болѣе оживляется. Живыми красками рисуетъ онъ этотъ моментъ и слѣдовавшее за посвященіемъ въ епископа перерожденіе Амвросія въ совсѣмъ иного человѣка. «Мы въ Миланѣ—городѣ Цезарей съ тѣхъ поръ, какъ Римъ сталъ городомъ папъ. Большая толпа народа шумитъ, споритъ, какъ вдругъ раздастся голосъ какого-то неизвѣстнаго юноши: «Амвросій епископъ». Молодой человѣкъ, на котораго указывалъ этотъ неземной голосъ, не смотря на то, что занималъ первое мѣсто въ правительствѣ города, приходитъ въ сильное смущеніе и отказывается отъ высокаго призванія. Рѣшили признать выборъ дѣйствительнымъ и стали настаивать, но избранникъ сначала прибѣгаетъ къ разнымъ отговоркамъ, иногда даже не совсѣмъ благовиднымъ, потомъ убѣгаетъ и укрывается;—это былъ еще простой человѣкъ, несвободный отъ человѣческихъ слабостей, сомнѣній и колебаній. Но едва принялъ онъ посвященіе, какъ сталъ свободенъ отъ всякаго несовершенства. Онъ, правда, не отрекся совершенно отъ того, что сдѣлало его мужественнымъ патриціемъ, честнымъ правителемъ, вѣрнымъ гражданиномъ, но на эту нерушимую основу твердаго характера и великой натуры низошла благодать священства и вдругъ преобразовала все: вѣрность долгу обратила въ

героизмъ, нравственную безупречность—въ аскетическую святость, доброту—въ самоотверженную любовь на жизнь и на смерть». Съ перваго же дня своего епископства, онъ ревниво принимается за работу для себя самого и за работу для другихъ. Что касается себя самаго то здѣсь чтеніемъ писанія, молитвою, созерцаніемъ онъ создаетъ то зданіе совершенства, для котораго основные камни сейчасъ только положены были самимъ Духомъ св., и котораго послѣдняя вершина—подобіе высочайшему образу самаго Иисуса Христа. Для другихъ же онъ несетъ свое епископское служеніе съ ревностію, неутомимостію и самоотверженіемъ Павла. Убѣжденный, что единственный способъ вѣрнаго вліянія на другихъ есть живой личный примѣръ, предположивши насколько возможно побѣдить господствующій въ мірѣ духъ зла, онъ рѣшилъ прежде всего окружить себя хорошимъ клиромъ и навыкомъ къ добродѣтели образовать изъ него войнство, способное на борьбу и словомъ и дѣломъ. «Это войнство ангеловъ», говорилъ онъ о своемъ клирѣ, и дѣйствительно, воспитанные имъ ли самимъ непосредственно или только подъ его вліяніемъ, пресвитеры большею частію были такими же ревностными неустанными и самоотверженными служителями слова и истины, какъ и самъ онъ.— Въ это время христіанство было уже царемъ въ святилищѣ индивидуальной жизни, но язычество продолжало еще царствовать въ школахъ и въ обществѣ. Уничтоженіе его было новымъ предметомъ усиленныхъ заботъ св. Амвросія. «Онъ его преслѣдовалъ въ идеяхъ своею неустанною борьбою съ аріанствомъ, онъ его преслѣдовалъ въ практикѣ культа, держа въ отдаленіи отъ сената римскаго алтарь побѣды, онъ его преслѣдовалъ въ нравахъ своими строго-нравственными поученіями, своимъ высокимъ примѣромъ, своею внимательностію ко всему нравственно чистому, къ своему клиру и благочестивымъ дѣвственницамъ, и своею безпощадною строгостію ко всему развращенному. Въ этой борьбѣ болѣе всего дѣйствовалъ и побуждалъ св. Амвросій силою своего

неотразимо увлекающего и убѣждающего слова. Благородная осанка, видъ величественно-авторитетный и вмѣстѣ скромный, выраженіе лица строгое и вмѣстѣ кроткое, состояніе духа покойное и вмѣстѣ возвышенное, все это вмѣстѣ, когда св. Амвросій появлялся на амвонѣ, говорило краснорѣчиво еще прежде, чѣмъ проповѣдникъ раскрывалъ свои уста. Его слово производило на слушателей неотразимое обаяніе съ одной стороны рѣдкою мягкою и пѣжно-стію, а съ другой удивительною энергичностію и смѣлостію». Къ сожалѣнію, эта горячая борьба истины съ заблужденіемъ, евангельской морали съ языческою испорченностію, неоднократно прерываема была разными политическими потрясеніями отечества. Едва минуло два года со времени занятія св. Амвросіемъ престола миланскаго, какъ вдругъ нежданно появились готы на границахъ имперіи. Крики ужаса, вопли отчаянія раздались со всѣхъ сторонъ; церкви переполнились несчастными, толпа припадаетъ къ стопамъ великаго святителя, прося у него утѣшенія, молитвъ, совѣтовъ и онъ даетъ всѣмъ вся. Но св. Амвросій не ограничивается въ этомъ случаѣ однимъ нравственнымъ участіемъ, а старается подать и дѣйствительную помощь всѣмъ страждущимъ, особенно же плѣнникамъ, на выкупъ которыхъ онъ жертвуетъ не только своимъ личнымъ имуществомъ, но и имуществомъ церковнымъ, не щадитъ даже самихъ священныхъ сосудовъ, которыми обогатили церковь князь и простые вѣрующіе. Съ этого момента св. Амвросій, можно сказать, становится царемъ надъ народомъ, и пріобрѣтаетъ авторитетъ, въ которомъ никто не могъ соперничать съ нимъ. Императоръ ищетъ его совѣта, вельможи просятъ его покровительства, бѣдники постоянно прибѣгаютъ къ его заступничеству. Когда водворилась тишина, св. Амвросій возвращается въ свой епископальный городъ и снова берется за прерванное дѣло: увѣщаетъ юныхъ дѣвъ словомъ и письмами хранить обѣты дѣвства; по прежнему зорко смотритъ за нравственностію паствы. попрежнему наставляетъ ее красно-

рѣчивымъ словомъ истины и святости, и самъ по прежнему остается образцемъ неподражаемой святости. Теперь при немъ братья его Сатуръ и сестра Марселина, давно уже посвятившая себя Христу. «Не часто видано было, и едва ли когда либо еще увидится въ исторіи церкви подобное этому зрѣлище братскаго общества трехъ душъ, тѣсно связанныхъ не узами только родства, но еще болѣе единствомъ мыслей, чувствъ, святой жизни. Семейство и религія, соединивши ихъ узами самыми глубокими и самыми чистыми, кажется, осуществили въ самой земной жизни ихъ то счастье и блаженство, которое на землѣ видѣть или ощущать можно развѣ только во снѣ». Но увы! это былъ только мимолетный лучъ солнца изъ за двухъ страшныхъ тучъ. Сатуръ скоро переселился въ вѣчность, оставивъ своихъ братьевъ плакать и сокрушаться. Потомъ наступили неутѣшительныя обстоятельства для самой церкви. Аріанизмъ, поддерживаемый императрицею Юстиніею, благопріятствуемый малолѣтствомъ цезаря, объявилъ ревностному защитнику истины Христовой войну, которая была тѣмъ болѣе опасна, что прикрывалась обманомъ и лицемеріемъ. Война эта состояла изъ двухъ главныхъ актовъ, раздѣленныхъ короткимъ миромъ. Въ этой войнѣ испробованы были аріанами всѣ роды оружія — лести, обещанія, клевета, насиліе, но недоступный самолюбію, сильный сознаніемъ своей правоты, воодушевленный любовію ко Христу и его церкви, и потому рѣшившійся лучше умереть, чѣмъ измѣнить Христу и Его церкви, св. Амвросій въ этой борьбѣ показалъ всѣмъ удивительный примѣръ несокрушимой твердосги истиннаго исповѣдника Христова, вѣрнаго пастыря Его церкви. Народъ возстаетъ, чтобъ отмстить врагамъ его, а онъ умиряетъ волненіе и восстанавливаетъ общественный порядокъ; его враги скрежещутъ зубами отъ бѣшенства, а онъ остается совершенно спокойнымъ; императоръ требуетъ повиновенія правительственнымъ распоряженіямъ, а онъ, взаимно повиновенія, предлагаетъ свое мученичество. Но во всей жизни св.

Амвросія не было болѣе важнаго и опаснаго момента, какъ его встрѣча съ императоромъ Θεодосіемъ и энергическая бесѣда съ нимъ: не смотря на дружбу, которую питалъ къ императору, онъ рѣшительно отказывается занять прежнее мѣсто на хорахъ его базилики, а послѣ ѳессалоникской рѣзни, не хочетъ даже порогъ переступить императорской церкви.—Въ преслѣдованіи этомъ, однако, были и промежутки мира; ими св. Амвросій пользовался для созиданія храмовъ, преобразованія пѣнія, для составленія трактатовъ, гомилій, гимновъ.—Хотя въ этомъ пунктѣ наступила только вторая половина епископства св. Амвросія, но біографъ слишкомъ поспѣшно затѣмъ доводитъ нить его жизни до ея конца. Главною заботою св. Амвросія съ этого времени была забота морализованія своей паствы. «Эта забота всей его жизни стала почти единственною въ послѣдніе годы ея: мужество, которое требовалось прежде для борьбы внѣшней, онъ теперь сосредоточиваетъ для борьбы внутренней—съ страстями людскими, съ пороками своего времени. Его дѣятельность въ этотъ періодъ можно уподобить дѣйствию рѣки, которая долго била своими волнами сдерживавшіе ея теченіе оплоты и разбивши ихъ наконецъ, разливается по всей равнинѣ, напаяетъ ее и производитъ растительность съ обильными плодами». Мужественный герой собственными глазами видѣлъ, какъ одинъ за другимъ падали враги его, какбы поражаемые его молніеноснымъ словомъ; но онъ пережилъ также и своихъ друзей. Молодые императоры, которыхъ онъ любилъ называть своими дѣтьми, умерли отъ кинжала; Θεодосій, который такъ много общалъ имперіи, сошелъ въ могилу, не многимъ упредивши тирана Евгенія: и св. Амвросій также ничего уже больше не желалъ, какъ послѣдовать за ними, чтобы получить на небѣ заслуженный вѣнецъ героя. «Съ этого времени онъ живетъ уже больше на небѣ, чѣмъ на землѣ; человекъ земной въ немъ уже совершенно истощился, остался только небесный; это— время его чудесъ, время обладанія силами сверхъесте-

ствецкими». Онъ наконецъ представился 4 апрѣля 397 г. на 23 году епископства и на 57 отъ рожденія.

Johannes Hus und König Sigmund. v. Dr. Wilhelm Berger. Augsburg 1871.—Gersons Stellung auf dem Concile von Constanz, v. Joh. Zürcher. 1874 Leipzig.

Первое изъ этихъ сочиненій есть новая попытка рѣшить вопросъ, по поводу котораго новые историки много спорять, кажется, болѣе изъ вѣроисповѣдныхъ, чѣмъ изъ чисто историческихъ основаній, это именно вопросъ объ отношеніи короля Сигизмунда къ Іоанну Гуссу во время Констанцкаго собора. Древніе католическіе историки и даже современники собора безъ всякихъ колебаній рассказывали о томъ, что Сигизмундъ снабдилъ Гусса охранною грамотою и потомъ самъ же предалъ его въ руки правосудія, поставляя этотъ послѣдній поступокъ короля даже въ заслугу ему, какъ выполненіе долга къ церкви. Въ такомъ смыслѣ даже на самомъ соборѣ разсуждалъ епископъ аррасскій ¹⁾; въ такомъ смыслѣ самому Сигизмунду писалъ принцъ аррагонскій ²⁾. Но позднѣйшіе историки стали оспаривать охранительную грамоту и доказывать, что это была не юридическая грамота, но простой паспортъ на проѣздъ. По мнѣнію нашего автора, чтобъ рѣшить этотъ вопросъ и вообще представить правильно все теченіе дѣла, слѣдуетъ измѣрять тогдашнихъ людей и ихъ отношенія не настоящею нашею, по ихъ же собственною мѣр-

¹⁾ In malis promissis fides est recindenda non solum a principio, sed etiam ab eventu, sicut de haeretico, cui etiam datur salvus conductus, ob cujus pertinaciam mutandum est decretum; impia est enim promissio quae scelere adimpletur.

²⁾ Nunquam -- pedagium sibi concessum per majestatem vestram hominem liberabit quia jugiter deliquit propter haeresin continuam de qua non est conversus... Certe dignus est punitionis, quum non est frangere fidem ei, qui Deo fidem frangit.

ною, какъ и прежніе средневѣковые процессы противъ еретиковъ, процессы, которые конечно не примиримы съ идеями XIX вѣка и возмутительны для человѣческаго достоинства, но которые вытекали изъ всеобщаго въ то время убѣжденія, что христіанство, какъ самая твердая опора общественной жизни и порядка, не только можетъ, но и непременно должна быть защищаема насильственными, кровавыми средствами. Только съ тѣхъ поръ, какъ благодаря новѣйшему мыслеразвитію, стали смотрѣть на государство, какъ на самостоятельный правящій институтъ, способный выполнять свою правящую миссію независимо отъ такой или иной вѣроисповѣдной формулы, только съ этихъ поръ стало имѣть ясный смыслъ и силу слово Лактанція: «non est opus vi et injuria, quia religio cogi non potest; verbis potius quam verberibus res agenda est».

Изображеніе гусситскаго движенія, на сколько оно связано было съ личностію Гусса, не представляетъ никакихъ новыхъ моментовъ. Представивши богословскую сторону вопроса только въ общихъ чертахъ, авторъ затѣмъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на существенныхъ причинахъ движенія. По мнѣнію его, только поверхностное воззрѣніе на дѣло можетъ взваливать всю вину гражданскихъ войнъ и безпорядковъ въ Богеміи на одного Гусса съ его религіозною партіей; причины ихъ напротивъ лежатъ гораздо далѣе—именно въ самой системѣ управленія Карла IV, хотя его царствованіе даже самими богемскими писателями представляется лучшимъ изъ царствованій, не говоря уже о томъ, что историки іезуитской реакціи представляютъ его самымъ блестящимъ пунктомъ богемской исторіи, чтобы въ тѣмъ болѣе мрачныхъ краскахъ представить слѣдующій періодъ гусситскаго движенія. Политическимъ идеаломъ Карла IV было французское королевство съ сосредоточенною въ однихъ рукахъ государственною властію; этотъ идеалъ онъ хотѣлъ осуществить и въ Богеміи. Но здѣсь для такого сосредоточенія власти не было самой важ-

ной естественной основы—національнаго единства, и потому всѣ средства его для этой цѣли должны были разбиваться о вражду между нѣмцами и славянами. Единственное, чего можно было достигнуть здѣсь—это расширеніе и упроченіе правъ королевской власти и обезпеченіе династіи закономъ престолонаслѣдія по праву первородства. Даже такія мѣры, какъ напр. сдѣланное тоже въ монархическихъ интересахъ церковное отдѣленіе Богеміи отъ Германіи учрежденіемъ самостоятельнаго архіепископства пражскаго (1344), или возстановленіе древнеправославныхъ обрядовъ и возвышеніе славянскаго клира, даже эти мѣры, въ связи съ мистико-апокалиптическими стремленіями предшественниковъ гусситизма, только болѣе усиливали враждебную противоположность между нѣмцами и славянами, и потому ни мало не подвигали впередъ дѣла монархическаго единства. Вслѣдствіе всего этого, когда при королѣ Венцеславѣ дворянство соединилось въ своихъ требованіяхъ съ духовенствомъ, и реформаторскія тенденціи, усиленныя Виклефовскими идеями, соединились съ тенденціями національными, натурально, произошло движеніе, съ которымъ справиться оказалась безсильною королевская власть. Въ связи съ этими отношеніями и должно разсматривать личность Гусса, чтобъ оцѣнить надлежаще его дѣятельность, его вліяніе. Разсматривая гусситское движеніе съ этой именно точки зрѣнія, авторъ представляетъ дѣло самаго Гусса такимъ образомъ. Съ того момента, какъ полученъ былъ въ Прагѣ папскій эдиктъ противъ Гусса и его приверженцевъ, церковное движеніе, при перѣшителности Венцеслава, стало принимать серьезный характеръ. Между тѣмъ для Сигизмунда, какъ будущаго наслѣдника богемской короны, все зависѣло отъ прекращенія этого движенія, и вотъ онъ переноситъ дѣло Гусса и его самаго посылаетъ на соборъ въ предположеніи, что исходомъ его будетъ во всякомъ случаѣ миръ. оправдается ли Гуссъ предъ соборомъ, или отречется отъ своего ученія. Что касается самой грамоты, которою снабженъ былъ

имъ Гуссъ, то авторъ, путями подробнаго сравненія грамотъ политическихъ съ грамотами юридическими, путемъ сравненія самаго документа съ подобными документами XIV и XV вѣка, приходитъ къ убѣжденію, что эта грамота имѣла значеніе простаго паспорта, который дѣйствительно охранялъ и собственность обладателя какъ во время пути въ Констанцъ, такъ и во время пребыванія въ Констанцѣ отъ насилія, но только отъ насилія незаконнаго, а не отъ насилія мотивированнаго закономъ и осуществленнаго законными властями. Но дѣло не въ томъ, а въ томъ, что Сигизмундъ, дѣйствительно, обѣщалъ Гуссу совершенную безопасность въ Констанцѣ, рассчитывая съ одной стороны на свое вліяніе на соборъ, а съ другой и на самого Гусса, если не на его оправданіе, то по крайней мѣрѣ на его покорность. Какъ извѣстно, ни тотъ ни другой расчетъ Сигизмунда не оправдался: соборъ объявилъ Гусса еретикомъ и обѣщалъ ему пощаду только подъ единственнѣйшимъ условіемъ, если онъ сознается въ своей ереси торжественно и отречется отъ нея; Гуссъ же, убѣжденный въ правотѣ своего ученія и дѣла, не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Сигизмундъ очень хорошо зналъ, какая за это участь грозила Гуссу, но онъ ничего не предпринялъ для его спасенія; онъ обѣщалъ покровительство Гуссу и дѣйствительно покровительствовалъ ему, доколѣ считалъ его нужнымъ для своей цѣли, когда же увидѣлъ, что для этой цѣли онъ рѣшительно не пригоденъ, онъ оставилъ его на произволъ судьбы и, умывъ руки предъ народомъ, допустилъ правосудію совершить надъ нимъ свое дѣло.

Второе же сочиненіе посвящено исторіи собора Констанцкаго и именно вопросу о положеніи на этомъ соборѣ Іоанна Герсона. Какъ извѣстно, Герсонъ сначала былъ первымъ авторитетомъ на соборѣ, такъ что его голосъ имѣлъ рѣшающую силу во всѣхъ подвергавшихся обсужденію религіозныхъ и церковныхъ вопросахъ, но потомъ потерялъ всякое вліяніе на дѣла собора. Перемѣну эту авторъ объясняетъ, на основаніи давно уже приведен-

наго въ извѣстность и обработаннаго историческаго матеріала, такимъ образомъ. Вопросами, которыми первоначально занимался соборъ, были вопросы большею частію обще-религіознаго, или по крайней мѣрѣ обще-католическаго характера. Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ не задѣвались ничьи интересы, ни частные, ни политическіе, — и вотъ почему всѣ безпрекословно принимали предложенія и рѣшенія Герсона, безспорно великаго богословскаго и церковно-юридическаго авторитета. Съ другой стороны, и самъ Герсонъ, руководившійся въ рѣшеніи этихъ вопросовъ не личными или національными симпатіями, но любовью къ истинѣ и желаніемъ блага церкви, и предъ лицомъ собора выступалъ съ твердымъ и яснымъ сознаніемъ правоты дѣла, и потому выступалъ безъ горячности, съ спокойною самоувѣренностію. Но потому дѣла, которыми занимался соборъ и за которыя стоялъ Герсонъ, были совсѣмъ иного рода. Онъ желалъ дѣло одной французской церкви сдѣлать дѣломъ всеобщимъ и, натурально, въ членахъ соборахъ, представлявшихъ другія націи, встрѣчалъ или равнодушіе или сопротивленіе. Встрѣтивъ же неожиданное сопротивленіе въ вопросахъ, близко касавшихся его національныхъ симпатій, онъ, естественно, сталъ горячиться и впадать въ крайности, что въ свою очередь вызывало еще большую горячность и еще болѣе рѣшительное сопротивленіе, и затѣмъ неуспѣхъ его предпріятій не нуждается въ дальнѣйшемъ объясненіи. Все это въ общемъ, конечно, справедливо, только жаль, что авторъ не доказалъ этого въ частности, не показалъ политическихъ отношеній и тенденцій каждаго изъ важнѣйшихъ членовъ собора.

Anna von Luxemburg, kaiser Karl's IV Tochter, konig Richard's II Gemahlin, Königin von England 1582—1594. von Constantin Höfler. Wien 1874.

Когда въ іюнѣ 1337 года, послѣ долгой болѣзни, скончался король Эдуардъ III, англійская корона возложена была на оди-

надцатилѣтнаго сына «Чернаго Принца», который вступилъ на престолъ подъ именемъ Ричарда II. Не много спустя послѣ этого, несовершеннолѣтній король вступаетъ въ бракъ съ Анною Люксембургскою, дочерью богемскаго короля и нѣмецкаго императора Карла IV, и такимъ образомъ утверждаетъ связь между домомъ Люксембургскимъ и домомъ Плантагенетовъ,—связь, которая весьма важна была по своимъ послѣдствіямъ. Безславное со внѣ и внутри наполненное кровавыми распрями народа и дворянства, царствованіе Ричарда II представляло въ себѣ очень мало отраднаго. Полная надеждъ дочь нѣмецкаго императора, выданная за Ричарда главнымъ образомъ по политическимъ расчетамъ короля Венцеслава, который въ этой связи съ Англіею думалъ имѣть противовѣсъ противъ властительной Франціи и защищаемаго ею папы Климента VII, пришла въ Англію какъ будто для того только, чтобъ быть свидѣтельницею смутъ, которыя, какъ мрачныя тѣни, отражались на ея жизни и жизни ея супруга. Пораженная заразительною язвою, Анна умерла бездѣтною на 27 г. жизни, 7 Іюня 1394 г., чтобъ не дожить до трагическаго конца судьбы своего супруга, который 6 января 1400 г. былъ лишенъ престола, заключенъ въ замокъ, гдѣ, какъ гласитъ сага, былъ замученъ голодомъ по распоряженію Генриха IV, его преемника по престолу. На время Ричарда II падаетъ и религіозное движеніе, произведенное Виглефомъ и его послѣдователями. Этому движенію въ подписанномъ сочиненіи по справедливости удѣляется особенное вниманіе; остановимся на немъ нѣсколько и мы.

Авторъ справедливо жалуется на невозможность, при настоящихъ данныхъ, составить цѣльное и всестороннее представленіе о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя вызвали появленіе Виглефа и сопровождали дальѣйшее развитіе начатаго имъ движенія: для этого, въ самомъ дѣлѣ, не сдѣлано еще многое,—не собраны, не расположены въ хронологическомъ порядкѣ ни сочиненія самаго Виглефа, ни относящіеся къ этому движенію акты

и т. д. Тѣмъ болѣе, однако, чести автору, что онъ, не смотря на эти затрудненія, представлялъ намъ въ своемъ сочиненіи вполне ясный образъ всего движенія, выдѣливъ изъ исторіи его все случайное и второстепенное и соединивъ въ стройное цѣлое все важнѣйшее и существенное. По его представленію, виглефизмъ — это родившаяся на почвѣ англійской церкви, подѣ вліяніемъ особенныхъ церковно-политическихъ обстоятельствъ Англіи, реакція противъ мірскаго духа и направленія церкви и противъ произвола духовной власти, дошедшаго въ періодъ авиньонскаго плѣна до послѣдняго безобразія. Движеніе это коренится въ древнѣйшихъ явленіяхъ подобнаго рода и само по себѣ составляетъ только небольшой эпизодъ въ ряду идущихъ отъ самаго начала среднихъ вѣковъ попытокъ очистить церковь отъ всѣхъ чуждыхъ ей мірскихъ наростовъ, и возвратитъ ее къ первобытной апостольской простотѣ и чистотѣ. Въ попыткахъ и движеніяхъ этого рода, по мысли автора, слѣдуетъ и не трудно различать два главныхъ теченія. Одно движется на церковной почвѣ, серьезно смотритъ на установившійся исторически порядокъ вещей, и стремится произвести реформу церкви ея же собственными средствами. Другое напротивъ, болѣе бурное, разрываетъ границы, поставленныя церковнымъ сознаніемъ, разрушаетъ все попадающее на пути, и въ концѣ концовъ себя самое уничтожаетъ. Но велику теченіе это силится прорыть себѣ путь и въ почвѣ церковнаго и въ почвѣ гражданскаго порядка, хочетъ все историческое развитіе однимъ смѣлымъ поворотомъ возвратитъ на цѣлыя столѣтія назадъ, уничтожить однимъ ударомъ и искоренить то, что въ долгіе періоды создавалось органически, и такимъ образомъ возвратитъ церковь къ первобытной, смутно создаваемой, мечтательной простотѣ: то оно всегда ведетъ къ открытому разрыву съ церковію и, кромѣ временныхъ разрушеній, не производитъ никакихъ долговѣчныхъ плодовъ. — Образованіе нищенствующаго ордена въ XIII-мъ столѣтіи было на церковной почвѣ первымъ

протестомъ противъ установившагося и вошедшаго въ практику мнѣнія, что блестящее положеніе принадлежитъ къ существу воплотившейся церкви Христовой на землѣ. Отреченіе отъ земнаго имущества, свободно избранная полная нищета имѣли дѣлю постоянно представлять въ средѣ церкви образъ бѣдности и уничтоженія самаго ея Основателя и тѣмъ освободить церковь отъ упрека, что она перестала быть первѣстою Христовою съ тѣхъ поръ, какъ стала обладать мірскимъ имуществомъ и богатствомъ. Эти идеи, которымъ нищенствующій орденъ обязанъ своимъ происхожденіемъ и быстрымъ развитіемъ, стали скоро распространяться и оказывать свое вліяніе и за предѣлами ордена. Естественно, затѣмъ явилось стремленіе распространить и привести въ дѣйствіе эти идеи и тамъ, гдѣ высшая церковная инстанція отождествляла себя съ самою церковью и гдѣ въ томъ видимомъ противорѣчіи, въ какомъ выступалъ намѣстникъ церкви въ сравненіи съ самимъ Основателемъ ея, враги церкви видѣли самое очевидное доказательство совершеннаго отпаденія церкви отъ своихъ собственныхъ первоначальныхъ принциповъ. Все это нужно имѣть въ виду, чтобы понять такіа событія какъ напр. небывалое доселѣ, но въ XIII вѣкѣ случившееся восшествіе на папскій престолъ простого нищенствующаго пустынника, причемъ, кромѣ того, весьма интересно наблюдать, какое толкованіе даетъ этому факту общественная молва слѣдующаго столѣтія, когда она папою Целестиномъ V, вышедшимъ также изъ пустынниковъ, заключаетъ рядъ истинныхъ папъ, такъ какъ послѣ него папство стало *sedes superbiae*, и ожидаетъ явленія новаго святаго папы, который, послѣ того какъ Римъ превращенъ будетъ въ развалины, возвратитъ церковь къ ея апостольской простотѣ и самъ отречется отъ всѣхъ владѣній и богатствъ, оставивъ для себя только церковь св. Петра и Ватиканъ (*s. Brigittae revel. III, c. 27*).—Но изъ среды францисканскаго же ордена вышли и носители другаго теченія, которые вмѣсто того,

чтобы постепенно содѣйствовать дѣлу обновленія и преобразованія церкви, захотѣли преобразовать ее сразу вдругъ и притомъ самымъ радикальнымъ образомъ, и начали дѣло открытою борьбою съ церковною властію. Если для основателя францискапскаго ордена нищета была высшею ступенію христіанскаго совершенствованія, средствомъ внутреннѣйшаго и непосредственнѣйшаго единенія съ нравственнымъ идеаломъ, то фракція болѣе энергическихъ и одностороннихъ послѣдователей, которые извѣстны въ исторіи подъ именемъ зилотовъ, прославившихся своимъ участіемъ въ борьбѣ Людовика баварскаго съ папою, объявила нищету прямою и непремѣнною обязанностію всякаго истиннаго ученика Христова и тѣмъ болѣе всякаго служителя церкви—всякаго духовнаго, трактуя обладаніе какимъ бы то ни было имуществомъ, какъ прямое отступленіе отъ основныхъ законовъ христіанства. Такимъ образомъ поднято было много относящихся сюда вопросовъ о нищетѣ напр. Иисуса Христа и его апостоловъ, о собственности вообще и т. под. вопросовъ, которые въ началѣ XIV столѣтія также занимали умы всѣхъ слоевъ общества, какъ нѣкогда на востокѣ вопросы о единосущіи Сына съ Отцемъ. Вопросы эти были радикальнѣйшимъ образомъ разрѣшены въ извѣстномъ, имѣвшемъ громадныя послѣдствія, сочиненіи Марсилія Падуанскаго «Defensor pacis Contra Iohannem XXII. Такъ какъ въ этомъ сочиненіи рѣшительно отвергались и права папы и права какого бы то ни было духовенства на обладаніе имуществомъ и утверждалось положеніе, что всякій духовный, если онъ обладаетъ имуществомъ и отстаиваетъ свои права на него, перестаетъ быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ; то оно, естественно, стало арсеналомъ, въ которомъ враги церкви заимствовали всякаго рода оружіемъ для нападений и на папу и на римское духовенство, хотя съ другой стороны, несомнѣнно, для этихъ нападений давалъ обильную пищу и совершившійся въ XIV в. несчастный поворотъ въ исторіи самаго папства.

Если гнетъ папской власти чувствовался болѣе всего несноснымъ въ Англіи, то это по двумъ причинамъ. Съ одной стороны всѣ папы, царствовавшіе въ Авиньонѣ отъ Климента V до Григорія XI, то есть 1035—1378 г. принадлежали по своему происхожденію Франціи, слѣдовательно націи, съ которою Англія запутана была въ постоянную смертельную борьбу. Ничего при этомъ нѣтъ удивительнаго въ томъ, если все, проходившее въ Англію изъ Авиньона, возбуждало къ себѣ сильную національную антипатію и сопротивленіе. Съ другой стороны Англія, со времени Іоанна безземельнаго поставлена была въ особенное подчиненное отношеніе къ самому папскому престолу, включена была въ группу такъ называемыхъ папскихъ, то есть ленныхъ папѣ государствъ. Эти ленныя отношенія не только оскорбительны были для англійскаго національнаго чувства тѣмъ напимѣръ, что папскіе легаты по смерти всякаго короля сейчасъ овладѣвали знаками королевскаго достоинства и отдавали преемнику умершаго не иначе какъ съ разрѣшенія папы, но и тяжелы были въ экономическомъ и общественномъ отношеніи рслѣдствіе постоянныхъ вмѣшательствъ римской куріи во внутреннія церковныя дѣла, ежегодныхъ ленныхъ сборовъ со всего королевства, провизій и т. под.—На этой почвѣ національной антипатіи къ папской власти зародился *виклефизмъ*. Если кого, то проникательнаго, паблюдательнаго, всецѣло занятаго мыслію объ улучшеніи церковныхъ отношеній оксфордскаго учителя тѣмъ въ сто кратъ болѣе должны были занимать и волновать горячіе вопросы времени о власти духовныхъ, о правѣ собственности, нищетѣ и т. под., и вотъ сочиненіе Викафа de dominio civili, несомнѣнно первое въ ряду другихъ, становится исходнымъ пунктомъ всей его системы. Сочиненіе о концѣ міра, примыкавшее къ идеямъ Іакима флорисскаго вышло не изъ подъ его пера. Споръ съ нищенствующими монахами, въ который съ самаго начала впутался Викафъ, также не имѣлъ такого большаго значенія для его дальнѣйшаго развитія, какое

обыкновенно ему усвояютъ; даже споръ его о евхаристіи, въ ученіи о которой онъ съ самаго начала расходился съ церковнымъ ученіемъ, имѣлъ на первыхъ порахъ только характеръ простаго ученаго диспута; средоточнымъ же пунктомъ его идей, стремлений былъ вопросъ о границахъ правъ церковныхъ властей. Что Виклефъ работалъ на приготовленной уже почвѣ, это доказываетъ неимоверно быстрое распространеніе его идей. Многочисленные ученики, въ особенной одеждѣ, съ именемъ *моллардовъ*—подобіе францисканцевъ разносили мысли Виклефа по всей странѣ. Въ короткое время по всей Англіи происходили агитаціи противъ церковныхъ имуществъ, противъ папы, епископовъ и священниковъ. *Общественный голосъ вездѣ требовалъ возвращенія страны и въ церковномъ и въ политическомъ отношеніи къ первоначальнымъ формамъ жизни*—произошло всеобщее броженіе, грозившее опасными послѣдствіями. Изъ Авиньона посланы были легаты для укрощенія волненій и смуть; но все напрасно,—Виклефъ далъ православное толкованіе своимъ положеніямъ и избѣгнулъ суда. Между тѣмъ, случились событія—восшествіе на престолъ иного короля 1377 г. и бракъ его съ дочерью богемскаго короля, которыя для двухъ противоположныхъ сторонъ имѣли и противоположныя послѣдствія. Если несомнѣнно, что благодаря этой связи и естественно послѣдовавшему затѣмъ сближенію между Англіей и Богеміей, виклефскія идеи быстро перешли на богемскую почву и привились здѣсь, то также вѣрно, что таже самая связь имѣла своимъ послѣдствіемъ рѣшительное пораженіе виклефизма въ Англіи. Избѣгать всего что можетъ вредить дѣлу законнаго папы Урбана VI и что съ другой стороны можетъ приносить пользу Франціи и поддерживаемому ею папѣ Клименту VI, такова была политика, внушенная Венцеславомъ Ричарду, которой король этотъ и держался строго. Лѣтотъ 1382 г. постѣдовало много строгихъ мѣръ противъ Виклефа и его послѣдователей: онъ преданъ своему дѣлу съ удвоенною энергіей, но большая

✧

часть друзей оставили его. Тогда Виклефъ покорился Урбану VI, пославъ ему отреченіе отъ своихъ мнѣній, которое повторилъ и на оксфордскомъ соборѣ 18 ноября 1382 г. предъ лондонскимъ архіепископомъ, и за тѣмъ остальную жизнь прожилъ въ уединеніи въ Лютервортѣ. Последнимъ сочиненіемъ Виклефа было сочиненіе съ заглавіемъ «*trialogus*», въ которомъ раскрывается самая крайняя теорія безусловнаго предопредѣленія, которая не имѣетъ никакой внутренней связи съ его прежнимъ воззрѣніемъ и можетъ быть объяснена только совершеннымъ разочарованіемъ реформатора, безсильнымъ отреченіемъ отъ обманутыхъ надеждъ, развитыхъ плановъ.

Авторъ не потрудился начертать цѣльную систему виклефскаго ученія, тѣмъ не менѣе сочиненіе его можетъ служить весьма важнымъ пособіемъ при изученіи исторіи церкви 14 вѣка. Цѣльзю отказать также въ научномъ значеніи и тѣмъ, не стоящимъ въ связи съ самимъ сочиненіемъ главамъ, которыя помѣщены авторомъ на концѣ въ качествѣ приложений. Приложенія эти суть: 1) споръ архіепископа Ричарда съ нищенствующими монахами, по описанію, найденному въ одномъ пражскомъ кодексѣ, 2) разсужденіе о 18-ти положеніяхъ Виклефа и его протестаціяхъ, и 3) указатель всѣхъ сочиненій Виклефа и относящейся къ его дѣлу литературы.

Geschichte der katholischen Kirche Deutschlands von der Mitte des 18 Jahrhunderts bis in die Gegenwart v. Dr. Heinrich Schmid.
1 Halfte. München 1872.

Авторъ этого сочиненія справедливо видитъ въ послѣднихъ событіяхъ католической церкви и особенно въ ватиканскомъ соборѣ поворотный пунктъ въ исторіи католичества, который при извѣстномъ стеченіи обстоятельствъ, можетъ даже получить всемірно историческое значеніе. Существенная тенденція собора, по его мысли, не въ чемъ иномъ состояла, какъ только въ томъ,

чтобы доставить папѣ тоже самое положеніе, какимъ онъ пользовался въ средніе вѣка и этимъ закончить зданіе средневѣковой церкви. Если римской куріи захочется и удастся всё опредѣленія соборныя перевести изъ бумаги и пергамента въ самую жизнь современныхъ обществъ, тогда грозитъ война противъ свободнаго развитія, образованія, противъ всякой культуры. Если же протестующая прогивъ этихъ опредѣленій либеральная партія устоитъ на своемъ, тогда, вмѣстѣ съ схизмою, неизбѣжно послѣдуетъ радикальное преобразованіе церковной жизни по крайней мѣрѣ въ схизматической части католичества. Во всякомъ случаѣ католическая церковь въ настоящее время стоитъ на томъ поворотномъ пунктѣ, съ котораго весьма интересно оглянуться назадъ, чтобы видѣть, какимъ именно путемъ она достигла его. Для этой цѣли авторъ считаетъ достаточнымъ пересмотрѣть исторію католичества только съ половины прошлаго столѣтія, и притомъ католичества только нѣмецкаго.

Своей исторіи нѣмецкаго католичества авторъ предпосылаетъ пространное введеніе, въ которомъ представляетъ положеніе нѣмецкихъ епископовъ послѣ Эмскаго конгресса и изображаетъ внутреннее состояніе отдѣльныхъ церковныхъ нѣмецкихъ провинцій Кёльна, Майнца, Трира, Зальцбурга, Вюрцбурга, Баваріи, обращая при этомъ особенное вниманіе на вліяніе здѣсь іезутизма и просвѣщенія. Авторъ отдастъ іезуитамъ полную справедливость за то, что они здѣсь блистательно выполнили свою задачу «подавленія духа протестантизма и обращенія народа къ католическому правовѣрію», не отрицаетъ даже того, что они здѣсь держали въ рукахъ своихъ знамя науки. Только, спрашивается какими средствами они осуществляли свою задачу? Средствами этими снабжала ихъ не столько живая «истинная религіозность и чистая христіанская любовь», сколько хитрость, ловкость, искусная тактика. Рѣдкое умѣнье пользоваться слабостями и страстями человѣческими, пышное богослуженіе, обая-

тельно дѣйствующее на чувства и воображеніе, удивительная способность не только выпытать все на исповѣди, но и искусно воспользоваться признаннымъ, приспособленіе къ языку и воззрѣніямъ народа въ проповѣдяхъ и религіозно-назидательной литературѣ, воспитаніе и образованіе юношества въ строго католическомъ духѣ буквы и рабства,—вотъ главнѣйшія изъ этихъ средствъ». Подъ руками такихъ дѣятелей, конечно, процвѣтала пива католичества; только цвѣтъ ея былъ не настоящій цвѣтъ, заключающій въ себѣ зародышъ будущаго плода, но на большую половину рѣшительно-безплодный пустоцвѣтъ. Отличительными чертами этого католичества были—рабская вѣра въ авторитетъ, склонность къ лѣнливому, не простирающемуся на внутреннее, благочестію. предпочтеніе всему чувственныхъ формъ культа, боязнь образованія, требующаго самостоятельной мысли. Но такое извращеніе религіозной жизни и мысли должно было понести достойную казнь въ самыхъ послѣдствіяхъ своихъ: она слишкомъ была парализована, чтобъ имѣть возможность съ успѣхомъ противостоятъ начавшему съ 18-го вѣка повсюду распространяться процессу догматическаго разложенія: просвѣщеніе удержало за собою поле битвы. За этимъ введеніемъ слѣдуетъ исторія католической церкви въ Германіи въ 3-хъ отдѣлахъ: 1) «разрушеніе», 2) «возсозданіе» и 3) «жизнь на новыхъ началахъ». Подъ разрушеніемъ авторъ разумѣетъ уничтоженіе вассальныхъ отношеній къ папѣ и секуляризацию церковныхъ имуществъ. «Возсозданіе»—это установленіе новыхъ отношеній къ церковной власти частными конкордатами съ римскою куріею. Въ 3-мъ же отдѣлѣ авторъ трактуетъ о различныхъ направленіяхъ новѣйшей католической мысли, останавливаясь преимущественно на направленіяхъ болѣе свободныхъ. Цѣль автора привести нѣмецкое католичество къ ясному сознанію своего прошедшаго и къ серьезной мысли о своемъ будущемъ, къ сознанію, «что оно должно избрать иную дорогу для будущаго», если хочетъ избѣжать золъ, которыя

перенесены на дорогѣ прошедшаго. Что авторъ—протестантъ единственно наилучшею дорогою въ этомъ случаѣ считаетъ протестантскую, это попятно само собою.

Das Judenthum und seine Geschichte von dem Anfange des dreizehnten bis zum Ende des sechzehnten Jahrhunderts,—von Dr. Abraham Geiger, Rabbiner der israelitischen Gemeinde zu Berlin. Dritte Abtheilung. Breslau 1874.

Въ первыхъ двухъ частяхъ своего сочиненія, вышедшихъ еще въ 1865 г., берлинскій раввинъ и докторъ Авраамъ Гейгеръ представилъ исторію іудейства въ ея двухъ огромныхъ періодахъ—отъ начала его и до разрушенія втораго іерусалимскаго храма, и потомъ отселѣ и до 12 столѣтія, въ настоящей же третьей части онъ представляетъ эту исторію отъ начала среднихъ вѣковъ и до реформациі обѣщая въ четвертой и послѣдней части представить остальную исторію отъ реформациі и до настоящаго времени. Настоящая часть представляетъ только продолженіе того же панегирика іудейству, какъ «великой духовной исторической силѣ», который шелъ чрезъ обѣ первыя части. Іудейство, по убѣжденію автора, уже въ первоначальной своей исторіи было великимъ благодѣтелемъ человѣчества, оно же есть великій Мессія и для будущихъ судебъ человѣчества. Само христіанство не только родилось на земной почвѣ іудейства, но и цѣликомъ выѣчено и сплочено изъ скалы іудейскаго духа. Однако, этимъ іудейство еще не выполнило всей своей задачи. Уже въ царствѣ Іуды является рѣшительный протестъ противъ жречества и жертвоприношеній; потомъ, фарисеи и особенно саддукеи имѣли своею задачею утвердить свободную ученость вопреки законничеству жречества, и свободу народа защитить отъ произвольныхъ вторженій жрецовъ. Внѣшняя жертва болѣе и болѣе теряла свое значеніе и ея мѣсто заступала молитва, освящающая и оживляющая религиозное чувство. Оружіе, которымъ въ средѣ самаго христіанства (въ сред-

ніе вѣка) боролись противъ угнетенія свободы мысли и совѣсти со стороны церковныхъ властей, претендовавшихъ на монополію знанія и святости, заимствуемо было также изъ арсеналовъ іудейства; знакомствомъ съ письменными памятниками, способствовавшими освобожденію духа, христіанство также обязано наслѣдію іудейскаго духа и т. под.

Оставимъ, однако всѣ эти и подобныя разсужденія, которыми авторъ хочетъ возратить іудейству его померкшую славу и остановимся лучше на тѣхъ его историческихъ изображеніяхъ, которыя касаются многихъ интересныхъ пунктовъ соприкосновенія іудейской жизни и письменности съ одной стороны съ западно-христіанскимъ образованіемъ и литературою, а съ другой—съ магометанствомъ.—Маймонидъ, великій іудейскій богословъ и философъ, (личностію котораго подробнѣе занимался авторъ во 2-й части), заправлялъ научными направленіями и стремленіями іудейства еще долго послѣ своей смерти († 1204). Послѣ того, какъ греческая философія вторглась въ царство ислама и пустила здѣсь глубокіе корни, и іудейству, благоденствовавшему подъ этимъ царствомъ, не оставалось другаго выбора, какъ или слить Аристотеля съ Библіею, или оставаться при буквѣ опирающагося на нее преданія. Для перваго дѣла наиболѣе, конечно, потрудился Маймонидъ, самымъ дѣломъ доказавшій согласіе между вѣрою и разумомъ, между философіею и откровеніемъ. Между тѣмъ іудейство еще прежде посредствомъ арабскаго научилось лучше владѣть и своимъ собственнымъ языкомъ, и въ Испаніи тамошнимъ ученымъ ислама противопоставило своихъ собственныхъ ученыхъ въ лицѣ Соломона Габироля, Іуды Галеви, Моисея и Авраама Бенъ-Эзра; оно имѣло даже и собственныхъ поэтовъ, изъ коихъ особенно прославился Іуда Харизи, какъ остроумнѣйшій подражатель Гарири. Но съ другой стороны талмудическія положенія хотѣли стоять непоколебимо и вызвали въ Провансѣ и сѣверной Франціи школу, которая возстала противъ попытокъ

спиритуализированія разныхъ библейскихъ ученій по образцу Маймонида. Уже современникъ Маймонида Авраамъ Бенъ-Давидъ провансальскій († 1199) возставалъ противъ него съ этой стороны, и въ особенности упрекалъ его за то, что онъ отвергалъ воскресеніе мерѣвыхъ, толкуя библейскія выраженія о пиршествахъ будущей жизни въ смыслѣ только высокихъ духовныхъ наслажденій душъ; въ этой же ереси позднѣе обвинялъ его Мейеръ Галсви-толедскій. Дѣйствительность богоявленій, а также демоновъ и ихъ вредоносныхъ вліяній, воскресеніе мертвыхъ, рассказы о чудесахъ, подобныхъ остановленію солнца Иисусомъ Навиномъ (о которомъ упоминаетъ даже талмудъ именемъ раввина Пикодима Бенъ-Горіонъ), объясненіе библейскихъ заповѣдей, вопросы о жертвахъ, легендарныя чудеса талмуда—все эти вопросы, послѣ Маймонида, возбуждали горячіе споры іудейскихъ ученыхъ и производили раздѣленія въ іудейскомъ мірѣ на востокъ и западъ. Ортодоксальный талмудистъ Соломонъ Бенъ-Авраамъ изъ Монпелье сталъ во главѣ оппозиціи, противъ свободныхъ до ереси мыслителей и, опираясь на раввиновъ сѣверной Франціи (южно-французскіе были болѣе кротки),—произнесъ анаѹему на всякаго, кто изъясняетъ талмудическія легенды иначе, чѣмъ изъяснялъ ихъ великій Раши, или кто вообще отвергаетъ простой естественный смыслъ библии и талмуда. Эта партія обратилась даже къ помощи доминиканцевъ въ защитѣ правовѣрнаго іудейства: доминиканцы, выполнявшіе подобную роль относительно правовѣрія въ средѣ христіанства, конечно, рады были сжечь сочиненія Маймонида, но, къ ужасу правовѣрныхъ раввиновъ, бросили также въ огонь и множество экземпляровъ талмуда.—Съ другой стороны, и самая священная исторія еврейскаго народа стала подвергаться разлагающему процессу невѣрующей критической мысли. Въ Провансѣ, въ параллель съ альбигенсами, возставшими противъ церкви и христіанства, являются и среди іудейства смѣлые противники древняго преданія. Тамошняя молодая Маймонидовская школа даже старалась перешеголять своего учителя въ свободѣ толкованія

библии,—и вотъ историческое имя Адамъ напримѣръ теперь уже стало означать только «образующій духъ», а Ева—матерію, которая оказываетъ свое вліяніе на духъ лишь дотолѣ, пока человѣкъ живетъ на землѣ. но прекращаетъ это вліяніе сейчасъ же по разлученіи его съ землею; тому же разлагающему процессу подверглась и исторія Авраама и Сарры, и даже 12 сыновей Іакова стали означать не болѣе, какъ 12 звѣздныхъ образовъ и проч. За то и строго-ортодоксальная партія казнила, какъ ересь, не только эти и подобныя имъ мнѣнія, но даже такое напримѣръ невинное мнѣніе, какъ мнѣніе Леви Бэнъ-Авраама, что нѣкоторыя буквы десяти заповѣдей въ особенности же мемъ и самехъ, не представляя возможности для сплошной связи между собою, были связаны тонкой проволокой вопреки ученію талмуда, связывавшему эти буквы посредствомъ чуда, и т. под. — Повѣствуя объ изгнаніи евреевъ изъ Англіи 1290 г. и Испаніи 1306 года, авторъ, повидимому, искренно сознаетъ, что это изгнаніе послѣдовало не вслѣдствіе грубаго фанатизма религіознаго, но скорѣе вслѣдствіе стремленія той и другой стороны охранить свое національное достояніе отъ примѣси всякихъ чуждыхъ элементовъ, умалчивая однакожъ о томъ, что въ числѣ причинъ этого изгнанія не маловажную роль игралъ и невыносимый для нѣкоторыхъ частей населенія этихъ странъ гнетъ жидовски-жадной финансовой системы. Во Франціи изгнаніе евреевъ совпадало съ высшимъ пунктомъ ожесточенія въ борьбѣ философскаго направленія съ православно-талмудическимъ, когда одна партія предавала отлученію другую, когда и самъ Соломонъ Адеретъ—представитель умѣренной партіи перешелъ на сторону фанатиковъ, и сталъ проповѣдывать отлученіе всѣмъ философамъ. Какъ разъ въ то самое время, когда шелъ ожесточенный споръ о томъ, чье—какой именно партіи отлученіе должно имѣть силу противъ отлученія другой, обнародованъ былъ указъ (1306 г.) Филиппа красиваго, чтобъ всѣ евреи оставили Францію. Однако, въ южной части Франціи,

входившей тогда въ составъ папской области, евреи продолжали еще свободно жить чрезъ все XIV столѣтіе. Здѣсь также многіе ученѣйшіе мужи продолжали держать знамя свободнаго направленія; между ними первое мѣсто безспорно принадлежитъ Леви-Герсонаду, извѣстному между прочимъ своимъ защищеніемъ теоріи временнаго творенія. Съ другой стороны, благодаря трудамъ Мойсея Бэнъ-Нахмана въ срединѣ и испанца Мойсея Леона въ концѣ XIII вѣка, процвѣтала мистика кабалы, на которой воспитывалось еврейское юношество и которая хоть мечтательнымъ свѣтомъ озаряла еврейскій духъ, ослабѣвавшій подъ гнетомъ тяжкихъ временъ. Книга Зогаръ, произведеніе послѣдняго, приписавшаго ее, однако, древнему талмудическому и аскетическому тавматургу Симону Бэнъ-Иохай, возбуждала нуждавшіеся въ покой умы величественными описаніями небесныхъ собраній умершихъ учителей и тѣхъ бесѣдъ и споровъ, которые они ведутъ не только съ ангелами, но съ самимъ Шешинуо (божественное Величество), а также своими пророчествами о лучшемъ будущемъ. Вліяніе этой книги на умы евреевъ еще сильнѣе было въ слѣдующемъ столѣтіи, въ восточныхъ же странахъ оно продолжается еще и нынѣ. — Что касается отношенія іудейства къ христіанству, то понятно, что и іудейство старалось защищать свою истину предъ христіанствомъ, какъ христіанство — свою предъ іудействомъ. Къ числу лучшихъ апологетовъ іудейства должны быть причислены оба Дураны Ефоди и Симопъ, которые въ сочиненіяхъ своихъ изложили всѣ возраженія противъ христіанства съ логическою послѣдовательностію и ядовитою острою. Кромѣ того, и въ талмудъ внесены нѣкоторыя частныя возраженія изъ споровъ учителей іудейскихъ съ христіанскими. При этомъ іудейству совершенно чуждо было стремленіе къ распространенію своей вѣры среди другихъ религій, поелику лучшіе учителя его всегда были того мнѣнія, что благочестивые могутъ достигнуть блаженства независимо отъ того, какую религію исповѣдуютъ и къ какой національно-

сти принадлежать. Напротивъ многіе изъ іудеевъ обращались даже въ христіанство, и становились потомъ лучшими защитниками его. Изъ числа этихъ отступниковъ іудейства заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующіе: Абнеръ изъ Бургоса, который потомъ подъ именемъ Альфонса вальядолидскаго былъ славнымъ учителемъ церкви, Соломонъ Галеви—въ христіанствѣ Павелъ бургосскій, Іосія Лорки въ христіанствѣ Іеронимъ де Санта-Фе, который сначала жестоко укорялъ друга своего Павла бургосскаго, но потомъ самъ не только обратился въ христіанство, но и выступилъ безпощаднымъ полемистомъ противъ іудейства; по его то совѣту, папою Бенедиктомъ XIII въ 1413 г. устроенъ былъ большой публичный диспутъ между іудеями и христіанами;—потомъ еще Аструкъ и др. Какъ смотрѣли на подобныя обращенія современники, объ этомъ можно судить по отзыву Мойсея нарбонскаго объ Абнерѣ. «Это былъ, говоритъ о немъ Мойсей, весьма серьезный и очень ясный умъ, но онъ не имѣлъ мужества нести съ покорностію постигшія насъ несчастія, онъ не довольствовался покоемъ духа, но захотѣлъ достигнуть и блаженства тѣла, и вотъ онъ перемѣняетъ свою вѣру гонимую, на вѣру, которая можетъ не только избавить его отъ бѣдствій гоненія, но и дать ему земное счастье. Видно ужъ на самихъ звѣздахъ написано, чтобы желѣзная судьба разбила іудейство: однакожь, мы считаемъ болѣе достойнымъ покориться этой губительной силѣ, чѣмъ отречься отъ вѣры». Это роковое предвѣстіе, по мысли автора, особенно сбылось на евреяхъ испанскихъ, которые 2-го августа 1492 г. рѣшительно были изгнаны изъ Испаніи, гдѣ прожили они болѣе семи вѣковъ, большею частію наслаждаясь покоемъ и гражданскою равноправностію и соперничая съ туземнымъ населеніемъ въ наукахъ, искусствахъ, промышленности и торговлѣ. Испанскіе изгнанники долго послѣ того и на чужбинѣ не могли освободиться отъ своей древней классической гордости, по которой они считали себя особою высшею расою своего народа, и вслѣдствіе

этого долго держали даже и нынѣ еще держать себя въ нѣкоторой отдаленности отъ остальныхъ своихъ единовѣрцевъ. Изгнаніе евреевъ было пагубно не только для государства испанскаго въ томъ отношеніи, что лишило его множества полезнаго во всѣхъ отношеніяхъ и дѣятельнаго населенія, но и для церкви испанской вслѣдствіе того обстоятельства, что многіе изъ евреевъ, слишкомъ тѣсными узами связанныхъ съ своимъ дорогимъ отечествомъ, для избѣжанія изгнанія приняли христіанство, но принимали, разумѣется, только наружно, въ душѣ же оставались прежними евреями, и не измѣняли своей вѣрѣ даже и тогда, когда случалось кому нибудь изъ нихъ править монастыремъ или приходомъ, занимать университетскую или епископскую кафедру. Испанскіе писатели рассказываютъ объ этомъ невѣроятныя вещи и въ изгнаніи евреевъ справедливо видятъ одну изъ причинъ упадка націи. Испанскіе изгнанники частію поселились въ Италію, гдѣ многіе, особенно въ Римѣ, породнились впослѣдствіи съ знатнѣйшими и богатѣйшими домами и достигали важнѣйшихъ мѣстъ въ государствѣ, главнымъ же образомъ они направились на востокъ въ широкія, но пустыя владѣнія сейчасъ только основанной въ Константинополѣ турецкой имперіи, гдѣ и приняты были съ дозволенія султана Балзеда. Здѣсь, живя среди малообразованныхъ, грубыхъ народовъ, подъ гнетомъ деспотическаго произвола и всѣхъ спутниковъ грубости, они, естественно, скоро утратили качества и славу своихъ испанскихъ предковъ. Отъ прежней науки осталась одна только жалкая талмудическая ученость, да и та здѣсь приняла ложное суевѣрно-мечтательное направленіе; 16-й вѣкъ восточныхъ евреевъ особенно богатъ былъ толпами суевѣрныхъ мистиковъ, экзальтированныхъ мечтателей, проповѣдовавшихъ сумасбродныя идеи, несбыточныя надежды и не разъ производившихъ гибельныя волненія. Участь же евреевъ, поселившихся въ Польшу, обладавшей сравнительно даже высокою тогда цивилизаціей, натурально, была гораздо лучше. Вслѣдствіе этого,

у польскихъ евреевъ не исчезло совершенно, но было продолжаемо и прежнее истинно-научное направленіе. Такъ напримѣръ нѣкто Исаакъ Бэнъ-Авраамъ изъ Трокъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ «утвержденіе вѣры» — нѣчто въ родѣ іудейской апологетики, — въ которомъ собрано множество доказательствъ въ пользу іудейства и множество возраженій противъ христіанства и которымъ позднѣе, въ латинскомъ переводѣ одного христіанскаго ученаго, пользовался самъ Вольтеръ въ своей полемикѣ противъ церкви и христіанства (??).

Еврейскій авторъ исторіи евреевъ, какъ это можно видѣть изъ нашего анализа настоящей третьей части этой исторіи, конечно, не вполне еще свободенъ отъ преувеличеннаго представленія о великихъ заслугахъ въ прошедшемъ и великой миссіи въ будущемъ своего народа, но онъ все таки на столько показываетъ себя свободнымъ отъ предубѣжденій относительно исторической правды и отъ фанатизма относительно христіанства, сколько этого отъ правовѣрнаго раввина и ожидать трудно.

Г. М.

